

18+

МУРАД МУСАКАЕВ

МАГИЯ КИНО. МЕХАНИЗМ

Мир кино
становится
реальностью

Мурад Мусакаев

Магия Кино. Механизм

«Издательские решения»

Мусакаев М. К.

Магия Кино. Механизм / М. К. Мусакаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-682159-0

Обнаружив себя на дне жизни, молодой человек отправляется на таинственный остров, где персонажи кинокартин оживают. Необычный парк развлечений, основанный его дядей, манит туристов и сулит несметные богатства. Дело за малым — прибыть на остров и устроиться на работу. Вот только дядюшка не особо рад приезду племянника, а актеры в парке ведут себя подозрительно и даже неестественно...

ISBN 978-5-00-682159-0

© Мусакаев М. К.
© Издательские решения

Содержание

Мурад Мусакаев	6
Магия Кино / Механизм	7
Все права защищены © 2025	8
Магия Кино	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Магия Кино. Механизм

Мурад Камалович Мусакаев

© Мурад Камалович Мусакаев, 2025

ISBN 978-5-0068-2159-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мурад Мусакаев

Магия Кино / Механизм

Все права защищены © 2025

Магия Кино

Глава 1

Ты просыпаешься и тебе тошно, но не от очередного похмелья, а от того, кем ты стал, от того, куда сам себя завел. И, кажется, выхода нет, но тонкий голосок внутри кричит, что ты способен на большее, нужен только толчок, знак. Для меня таким знаком стала бесплатная газета, которую пихали в почтовый ящик каждой квартиры.

Фотография дяди Бертуцио украшала собой разворот. Он был изображен до такой степени довольным жизнью, что я едва узнал его, пришлось даже заголовок перечитать. «Мир кино становится реальностью!», – гласили стройные буквы величиной со спичечный коробок каждая. Усилием воли я заставил себя вернуться в реальный мир и выключить плиту, на которой закипал мой утренний кофе. Кофейник настойчиво зашипел, я плеснул темного варева в чашку и уселся обратно за стол, не решаясь развернуть газету. Я не был особо близок с дядей, но мы оба знали о существовании друг друга, что давало мне право объявиться на его пороге с фальшивой улыбочкой и вежливой просьбой финансовой поддержки. Назвать мое положение бедственным – равно что сделать мне комплимент. Такого успеха от дядюшки вряд ли можно было ожидать. Он всегда грезил кинобизнесом, но это было скорее хобби. Основная его работа была связана с «механикой и машиностроением», как он гордо говаривал. На самом же деле, за высокопарными словами скрывалась халтурка в автомастерской. У них с тетей даже своей машины не было, поэтому он и не поверил сперва, когда ему сообщили, что тетя Агата разбилась в автокатастрофе. К удивлению прочих членов семьи, дядя даже не стал в этом разбираться, а просто похоронил жену и куда-то уехал. Вот с тех пор я о нем и не слышал, а было это ни много, ни мало одиннадцать лет назад.

Сделав пару ободряющих глотков поганого кофе, я приступил к чтению, чтобы выяснить, чем же так доволен дядя Бертуцио с фотографии. Вот, что я прочел:

«Мир кино становится реальностью! Именно этой фразой остров „Кристалл Гармонии“ встречает прибывающих с материка на пароме любителей новых ощущений. Причал венчает величественная арка, а ступеньки ведут беспокойные ноги зрителей в небольшой городок, оформленный в духе декораций фильма. На улицах вы можете встретить персонажей „Ладьи“, „Сенегала“, „Человека, который читал“ и других кинокартин. Девочка Ирис из „Цветения“ продает корзинки с цветами в сувенирном киоске, а гигант из „Страны великанов“ декламирует стихи у входа в уютный ресторанчик. Вдалеке даже виднеется маяк из „Жены Моряка“. Кадры из фильмов воспроизводятся в различных уголках острова, а когда действие подходит к концу, актер, словно неумолимые машины на службе искусства, начинают сцену заново. Автор уникального парка развлечений или, как он сам это называет, арт-проекта – малоизвестный независимый режиссер Бертуцио Верра, постановщик всех названных выше фильмов. На вопросы искушенных синефилов о том, как ему удалось уговорить всех актеров из своих фильмов прибыть на остров для поддержания магии кино, режиссер отвечает лишь тонкой улыбкой. „Наслаждайтесь волшебством, пока оно длится“, – загадочно отвечает творец. На наш вопрос о дальнейших планах на проект, режиссер отвечает философски, устремляя взгляд куда-то за горизонт. „Будущее не столь важно, кино не знает будущего, кино лишь ловит момент. Идеальный, неповторимый, вечный. Запечатлите себя и свои эмоции здесь, в данную секунду, запомните их, проживите их с нажимом – вот, что важно для меня и для острова. Я желаю ощутить вкус момента, хочу остаться в нем как можно дольше, вечно разделяя его с любимыми. А будущее, оно будет потом...“ От обычной беседы с этим человеком уже создается ощущение, что вы внутри его киноленты, окружены чуде-

сами и персонажами. Это применимо и ко всему острову, ведь вы побываете в различных эпизодах и жанрах, и, если того пожелаете, можете задержаться на целый фильм. А потом и на еще один. Благодаря некой удивительной технологии, сцены разворачиваются вокруг вас, и фотографиями это не передать. Как известно, достаточно развитая технология напоминает магию. Что ж, Бертуцио Верра наглядно демонстрирует нам магию кино».

По краям от основной статьи цитировались восторженные отзывы посетителей, а также описывалось, как добраться до острова. Паром ходил раз в сутки, отправляясь поздним вечером и возвращаясь ближе к обеду. В уголке газеты я заметил темный квадратик с купоном на пятипроцентную скидку на входной билет. Ножниц у меня не было и я аккуратно вырвал его, сгибая каждую грань для создания направляющей ровного разрыва. Я посмотрел на проделанную работу и кисло кивнул сам себе: годится. Пока я читал, я твердо вознамерился нанести дядюшке визит. «Все-таки родственник, а мы так давно не виделись!» – ерничал я про себя, в попытке оправдать истинный мотив: я надеялся на подачку или, на худой конец, на работенку. Прошло уже две недели с тех пор как меня турнули из булочной, поэтому терять мне было нечего. Я решил вернуть ключи мистеру Бокуре, моему домоправителю, собрать свои скудные пожитки в сумку и отправиться в путь на следующий же день. На сегодня – сборы, завершение дел и поход в «Ателику», чтобы попрощаться с бездельниками, которых я, за неимением лучшего термина, называл своими друзьями. Не то чтоб мы были очень уж дружны, просто эта иллюзия позволяла чувствовать себя хоть кому-то нужным.

За хлопотами и мыслями незаметно пролетел день. Я решил не дожидаться завтра, а отправиться в ту же ночь. Я принял душ напоследок, надел чистую одежду и попрощался с хозяином. В чемодане моем, помимо одежды, лежали два похищенных полотенца, кусок мыла и полпакета дерьмового кофе, так что я спешил покинуть дом прежде, чем он хватится пропажи. Из «Ателики» я планировал сразу направиться на речной вокзал, а оттуда шесть часов на кораблике, которые я планировал скоротать кемаря. К рассвету я уже буду стоять на причале острова «Кристалл Гармонии», свежий и готовый к новому жизненному этапу.

В «Ателике» было как всегда шумно. Приглушенные лампы освещали сидящие у бара фигуры, часть из них были мне знакомы: таксист, которого все мы звали просто Шеф, бармен Ирвин, беззаботный студент Хенрик и моя бывшая начальница в пекарне, Анна. Приблизившись, я поздоровался и присел рядом.

– Ну что, товарищи? Мой час пробил. Сегодня ночью я отбываю из нашего милого города и уже вряд ли когда вернусь. Сегодня я пришел попрощаться, поэтому если кто-то из вас хочет по старой дружбе угостить меня, я буду благодарен. Что, Ирвин, опрокинем по одной за старые деньки? – я подмигнул бармену.

Не сказать, что моя тирада произвела на них впечатление. Шеф лишь хмыкнул, и только студент Хенрик округлил глаза:

– О, надо же! А куда ты собрался, Бик?

Мальчишка всегда интересовался моей жизнью больше других. То ли искренне, то ли чувствуя себя обязанным за тот раз, когда я оплатил его очередной взнос за обучение своими последними деньгами. Не то чтоб я был такой уж щедрый и самоотверженный, просто часть меня наивно верила, что хоть кому-то из нас образовательная система может дать то, что обещала. Я, в свое время, получил образование инженера-механика, но работа оказалась тяжелой. Не сумев держать необходимый темп, я скатился к мелким подработкам, а после и вовсе безработице.

– Отправляюсь на «Кристалл Гармонии»! – объявил я, шлепая газетой о барную стойку.

В этот раз взгляды большинства скользнули по заголовку.

– Кто ж тебя там ждет, – грубовато бросил Ирвин, но пододвинутый им бокал с несколькими каплями бренди на донышке смягчил эту грубость, так что никаких обид с моей стороны.

Пренебрежение стало мне привычным. Я даже благодарно посмотрел на бармена и поднял бокал.

– Видишь ли, дорогой Ирвин, господин Верра известен мне как дядя Бертучио. Он – кузен моего покойного батюшки. Так что по всему выходит, что я его двоюродный племянник. Съезжу, повидая родственника. А там гляди работка какая для меня найдется.

– Смелое предположение, – холодно заметила моя бывшая нанимательница Анна, но я пропустил это мимо ушей. – По крайней мере, билеты-то ты не будешь подьедать.

Намек на калачи, которыми я набивал пустое брюхо, пока работал у нее в пекарне. Не самый мой достойный поступок, который я оправдывал трехдневным голодом и обещанием самому себе вернуть стоимость булок с ближайшей зарплаты. Но до зарплаты дело не дошло. Меня было уколола совесть, но я быстро ее заткнул. Черт с ними! Не ожидал же я, в самом деле, что кто-то меня здесь поддержит или оценит по достоинству.

Пришло четкое понимание – это чужие мне люди, нас ничто не связывает и никогда не связывало. Но почему-то я все же испытывал к ним необъяснимую симпатию. Либо из-за схожести нашего положения, либо просто сам себе что-то придумал. Но мне хотелось выразить эту симпатию напоследок, закрыть эту главу моей жизни.

– Тост! – я вскинул вверх бокал с бесплатной выпивкой. – За наши мечты! Пусть все они сбудутся, даже самые несбыточные! Вы стали мне товарищами, и я желаю вам добра.

На этот раз многие из них одобрительно закивали, а затем подняли бокалы и не чокаясь выпили налитое в них пойло. Ирвин пригубил прямо из горлышка бутылки с бурбоном, а затем вернул ее в барный шкафчик. Я тоже осушил бокал и огляделся по сторонам. «Ателика» была бедным местом, здесь собирались бедные люди и заливали разбавленными напитками свои горести. Не вкусная, но хотя бы горячая еда, разговоры с такими же несчастными, как ты. В этом месте сам воздух был пропитан чувством тоски и безнадежности. Мне очень хотелось уйти на приятной ноте, скорее для себя, чем для них. С одной стороны, мне даже нравилось здесь, ведь у этих людей не было резона притворяться и зубоскалить перед тобой, они были до мрачного честны. С другой, я бы отдал все, чтобы выдернуть себя из этого тоскливого болота. Не хотелось более ни минуты оставаться здесь, точка поставлена, с меня хватит. Я с благодарностью откланялся, развернулся и вышел, надеясь оставить позади не только их и это заведение, но и всю свою прежнюю жизнь.

На речной вокзал я прибыл сильно заранее. Я приобрел билет в кассе и направился в местное кафе, чтобы скоротать там время до рейса. Запустив руку в карман и оценив свой скромный капитал, я заказал бублик с тыквенными семечками и стакан чая. Неспешно макая бублик в чай, я ел и глядел по сторонам. Людей в кафе в столь поздний час практически не было: пожилая пара клевала носами на одной из скамеек, вторую занял растянувшийся на ней в полный рост бездомный, а прочие пустовали. Взгляд мой задержался на бедолаге, который сопел на потертой скамье. Его одежда была поношена и местами изорвана, волосы грязны и всклокочены, но лицо абсолютно безмятежно во сне. Для нас, людей, чья жизнь не блистала яркими красками и сводилась к ежедневной борьбе за пропитание, сон был отдушиной. Во сне не нужно работать, во сне нет голода, во сне нет боли. Наверное, этому бродяге, как и мне, практически не снились кошмары. А и с чего им сниться, когда вся твоя жизнь – это очередной кошмар. Бродяга приоткрыл подслеповатые, залитые хмелем глаза, и зашелся жутким грудным кашлем. Должно быть, я все же преувеличиваю тяжесть своего бремени и многим людям на этом свете живется всяко хуже, нежели мне. У меня была работа, по крайней мере до недавних пор, жалкое подобие друзей и даже (ох, как я надеюсь) богатый дядюшка, с которым стоило бы повидаться.

Перекусив, я схватил свой багаж и вышел подышать ночным воздухом. На другой стороне залива виднелся парк развлечений с подсвеченными, но неживыми аттракционами. Я оперся о поручни и тоскливо глядел на хорошо различимые силуэты маленьких лошадок и морских

коньков на детской карусели, на потускневшую краску качелей на цепочках, веселые улыбки нарисованных на автомобильчиках автодрома персонажей... Когда в столь статичном виде видишь места, которые твой разум привык изображать оживленными, становится либо жутко, либо грустно. Меня охватила волна невыносимой печали. Я помнил этот парк в его лучшие времена, когда я, будучи еще маленьким мальчиком, приходил сюда с дедушкой Артуро. Артуро не был мне родным дедушкой, меня просто оставляли с этим стариком, жившим по соседству, когда папаше нужно было уйти по делам. Дедушкой я его называл исключительно из почтения к его возрасту. Я любил этого деда, а он по-своему любил меня, а еще мы оба любили этот небольшой парк аттракционов. Тогда он был полон жизни, из каждой карусели доносились звуки развеселых песенок, вокруг шныряла ребятня с воздушной кукурузой в бумажных свертках и сладкой ватой на палочках. Еще неподалеку был маленький парк, в тени которого можно было укрыться знойными летними деньками и долго сидеть, глядя на бесконечную водную гладь. Я вспомнил, как после очередной поездки на карусели Артуро брал мой бумажный пакетик из-под воздушной кукурузы и набирал в него воду из родника в парке, чтобы я мог напиться, а я спешно глотал студеную воду, стараясь успеть напиться прежде, чем пакетик неизбежно размокнет. Сейчас, наверное, парк развлечений порос сорняками и был лишь бледной тенью себя прежнего, с облупившейся краской и трещинами в асфальте. Может быть, днем парк выглядел иначе, более живым, но сейчас мне отчего-то казалось, что он больше никому не интересен, никому не нужен, что дети сейчас поголовно заняты чем-то иным. А может я просто видел в этом парке себя, опустившегося и разбитого, и оттого так грустно мне было. И оттого еще больше хотелось сбежать от всего этого, от воспоминаний прошлого и от реальности настоящего. Будто побег решит все мои проблемы, исправит меня.

Из мрачных мыслей меня вывел короткий гудок корабля, который должен был доставить меня на остров. Я знал, что корабль делает несколько остановок в пути, поэтому не удивлялся малому количеству пассажиров. Бьюсь об заклад, их будет в разы больше, когда я проснусь. Я показал контролеру билет и взошел по трапу. На верхней палубе располагались каюты для пассажиров дальнего следования, а внизу помещения для матросов и кают-компания. Сидячие места были на средней палубе, как ветчина в бутерброде. Никаких номеров на билете указано не было, поэтому я просто занял местечко у окна. Я закинул ноги на сдвоенное сиденье, укрыл их своим пиджаком, а чемодан пристроил под креслом. Какое-то время я еще продолжал таращиться в непроглядную тьму за стеклом, но усталость взяла свое и я погрузился в сон.

Глава 2

Проснулся я на рассвете от того, что кто-то трогал меня за ногу. Я разлепил глаза и поморгал, привыкая к освещению. Передо мной стояла белокурая девушка в васильковом платье и милой круглой шляпке. Заложив руки за спину, она чуть склонилась надо мной.

– Тут не занято? – указала она на то место, где «сидели» мои ноги.

У нее был приятный, звонкий голос, вызывавший легкое дежавю, словно я уже слышал его прежде.

– Э-э-э... Нет, здесь свободно, я просто... я думал... – спросонья мысли не желали собираться в кучу и разбегались.

– Вот и чудно! Не возражаете? – она мягко, но настойчиво толкнула мои ноги, вынуждая меня сесть, а сама опустилась на соседнее кресло.

– Нет, конечно, извините меня... Я задремал и, кажется, позволил себе расслабиться сверх меры, – я почувствовал, как краснею.

Какого черта?! Какое мне вообще дело до того, что она там подумает? «Расслабился сверх меры», ба! Мое подсознание слишком буквально приняло концепцию оставления прошлого за бортом, ведь прежний Стефан Бик воскликнул бы: «Возражаю и еще как!», а после вызывающе лягнул бы эту нахалку. А теперь я просто сидел и невнятно блеял, стыдливо приглаживая взъерошенные волосы вспотевшей от сна ладонью. У нее было широкое лицо с большими-пре-большими изумрудными глазами и пухлыми губами. Она была курносой и, наверное, очень улыбчивой, о чем говорили крохотные морщинки в уголках глаз. На вид ей было столько же лет, сколько и мне.

– Да не смущайтесь вы так, – она почти снисходительно окинула меня косым взглядом и раскрыла журнал, который доселе держала за спиной.

– И ничего я не смущаюсь. Вы просто застали меня врасплох своим появлением. Должно быть, только что поднялись на борт?

– Ага, – коротко отозвалась она.

Я огляделся и с удивлением обнаружил, что хоть пассажиров и прибавилось, пустых мест тоже хватало. На вид нас было человек двадцать.

– Почему вы решили разбудить меня, вместо того, чтобы занять одно из свободных кресел? – любопытно спросил я.

– А они все против движения, – она взмахнула рукой и приложила ее ко лбу. – Меня бы так укачало.

– Понятно... Скажите, пожалуйста, не прошли ли мы случайно остров «Кристалл Гармонии»?

– Нет, это следующая остановка. Конечная, между прочим, – чуть ли не нараспев прошептала моя спутница, не отрывая при этом глаз от страниц журнала.

– Отлично, как раз туда я и направляюсь. Я, знаете ли, знаком с владельцем парка, – важно проговорил я и гордо вскинул подбородок.

– Вот так я вам и поверила. Говорят, это какой-то режиссер.

– Не какой-то, а Бертуцио Верра! И я – его племянник.

Она недоверчиво поглядела на меня, улыбнулась самым уголком рта и, как бы дразня, произнесла:

– Докажите.

– Вот еще, не буду я ничего доказывать! И вообще, извольте встать, мне бы хотелось размять ноги!

– А вот возьму и не встану, – она скрестила руки на груди и упрямо сжала губы.

Я опешил. Пока я находился в поисках ответа, она быстро скрутила журнал трубочкой и посмотрела через него в окно, словно это была подзорная труба.

– Вон, вижу я ваш остров. Знаете, я тоже туда еду и я тоже родственница режиссера Бадучио, вот так.

– То-то вы его имени не знаете, – хохотнул я.

У меня почему-то не выходило всерьез разозлиться, наверное, сон еще не прошел окончательно.

– Все, шутки в сторону, – я отвернулся в сторону, протирая глаза.

– Позвольте поинтересоваться, как ваше имя?

– Стефан Бик. А ваше?

– То есть не Верра, ну я так и думала, – разочарованно вздохнула она, чуть услышав мою фамилию.

Запрокинув голову назад, она прикрыла глаза и замерла. Я ждал ответа со смешанным чувством раздражения и жгучего любопытства. Честно говоря, я просто очень давно не был интересен хоть кому-либо. Даже мошенники и цыгане обходили меня стороной на улице, понимая, что улов из меня посредственный. Да хоть бы захудалый коммивояжер или религиозный фанатик постучали в двери, так нет же. А тут – такая красotka. Но, судя по поведению, малость ку-ку. Наверное, это все и объясняло. Стефан Бик, покоритель девиц с приветом.

– Мередит Аламор, – медленно проговорила она.

– Очень пр...

– ...звали мою бабушку, – перебила она, не дав мне закончить. – А право узнать *мое* имя нужно еще заработать.

Я так и застыл посередине фразы.

– Так что, Стефан, пойдем к сеньору Верра вместе?

– Это не мне решать. Если он решит принять у себя странную внучку некоей Мередит Аламор, то это его право.

– И совсем я не странная. Это просто вы скучный, господин Бик.

– Не стану с вами спорить, – угрюмо отозвался я. – А теперь, позвольте мне выйти?

– Пфф, пожалуйста, – фыркнула она, но поднялась и сделала манерный жест ручкой, предлагая мне пройти.

– Благодарю! – бросил я через плечо раздраженно и отправился на палубу.

Морской бриз смешивался с запахом корабля и наполнял легкие, это помогало проснуться. Глядя на безбрежную рябь волн, я переваривал этот утренний эпизод. Назвать это обычным знакомством у меня бы не повернулся язык, ведь это было нечто совсем неординарное. Взгляд мой скользнул по борту корабля и устремился вдаль по направлению движения. Я увидел остров «Кристалл Гармонии». Хотел бы я описать, как у меня перехватило дух и каким величественным предстал он перед моим взором, но это было бы враньем. Остров выглядел совершенно обычным, никакой загадочной пелены тумана или ярких вспышек огней – так, зеленая куча на фоне синего моря.

Постояв еще немного, я отправился на поиски туалета, чтобы привести себя в порядок. Закрывшись в небольшом помещении изнутри, я взглянул в зеркало. Все было не так уж и плохо, только волосы немного растрепались. А так вполне приличный молодой человек: копна светлых волос на голове, нос картошкой, острый подбородок и высокие скулы, серые глаза и тонкие губы, да коричневый пиджак в крупную клетку. Я расчесался, протер зубы пальцем, сплюнул в раковину и стал умывать лицо. Закончив, я хотел было утереться похищенным из моих апартаментов полотенцем, но не обнаружил своего чемодана. Забыл под креслом. С досадой хлопнув себя по лбу, я отправился за своим багажом. Каково же было мое удивление, когда багажа под своим местом я не обнаружил. Эта бестия, заноза пониже спины, стащила мои скудные пожитки. Меня наполнило смешанное чувство досады и стыда. Досадно

было, что меня обокрали. Стыдно было оттого, что открыв чемодан она бы сразу поняла, сколь ничтожным был ее утренний собеседник. Но не время себя жалеть, мы еще не причалили, и я вполне могу успеть перехватить ее у трапа.

Стараясь не выдавать своего волнения, я быстрым шагом направился к выходу. Забавно, но девушка в васильковом платье и не думала скрываться. Я нашел ее на нижней палубе у перил левого борта. Одной рукой она придерживала шляпку, а второй опиралась на мой чемодан. Рядом с ней он смотрелся нелепо. Непривычная робость охватила меня. Не говоря ни слова, я встал рядом с ней по другую сторону от чемодана и твердо положил на него руку. Корабль замедлял свой ход, примериваясь к причалу. Длинный деревянный помост плавно переходил в лестницу, вьющуюся вверх по холму. Вершину холма венчала величественная арка, все как писали в газете. Сощурившись, я прочел на арке два слова: «Кристалл Гармонии».

– И зачем эти сложности? – вздохнула девушка.

– В смысле? – не понял я.

– Ну, он мог бы назвать свой парк одним словом как драгоценный камень, но вместо этого решил использовать описание свойств, часто этому камню приписываемых: «Кристалл гармонии».

– Это какой камень, янтарь? – ляпнул я наугад.

Она звонко рассмеялась.

– Да нет же – агат!

– Агат?

– Что вы все переспрашиваете и переспрашиваете? Да, агат.

– О, дядя, да ты поэт! Так это остров в ее честь, – озвучил я вслух свою догадку.

Тут уже настал ее черед удивляться и переспрашивать. Корабль, тем временем, уже причаливал, люди стали стягиваться к трапу и на палубе становилось шумно от гула возбужденных голосов.

– В ее честь? В чью?

– В честь моей тети Агаты, конечно. Загадочная история ее гибели продолжается вместе загадочным парком, словно взявшимся из ниоткуда.

Я нарочно старался напустить тайны и, кажется, ее это заинтриговало.

– Знаете, Стефан Бик, я бы охотно узнала подробности, если вы меня не дурите, конечно.

– Нет, что вы, клянусь! Но подробности на пустой желудок вредны. Давайте встретимся в местном ресторанчике в полдень. В газете писали, что на входе там стоит гигантский поэт, вроде бы достойный ориентир.

– Я не люблю стихи, – она сморщила носик. – А вот тайны люблю. Вы приходите в ресторан, и, может быть, я тоже приду. А может и не приду. Но вы это узнаете только в полдень, такая вот тайна. Пока-пока!

Не дожидаясь моего ответа, она нырнула в толпу и поток людей сразу же скрыл ее от меня. К счастью, в этот раз без моего багажа. «До чего странное создание», – подумал я и пожал плечами. Я стал терпеливо ждать хвоста очереди, ведь для драматического эффекта я хотел войти в парк последним. Я еще не решил, хочу ли я громко заявить о себе или тихонько обналичить свой скидочный купон. Процессия двигалась по деревянному причалу к пункту продажи билетов, расположенному у подножия лестницы, а затем и вверх по лестнице. Люди покупали билеты и переговаривались, предвкушая необычное зрелище. Сразу у трапа также стояла тележка с путеводителями и пока туристы толкались в очереди, я приблизился и вытащил один из сложенных вдвое буклетов и развернул его.

С одной стороны была общая информация о парке и фильмах Верра, а на обороте карта острова. Я пробежался по первым строкам. Биография дяди не представляла особого интереса, она была крайне сжатой и затрагивала лишь период его кинокарьеры.

«Начав интересоваться кинематографом, Бертучио Верра собрал все свои деньги и вложил их в производство скромного фильма „Цветение“. Картина осталась незамеченной критиками, но получила известность в узких кругах ценителей фестивального кино. Затем Верра получил финансирование от щедрого спонсора, при поддержке которого были отсняты два следующих фильма – „Человек, который читал“ и „Страна великанов“. Следующие свои три работы Бертучио финансировал самостоятельно и процесс их производства держался в строжайшем секрете».

Вот и все, что там было написано о дяде.

А вот о фильмах узнать было любопытно, ведь ни один из них я не видел, несмотря на то, что во времена выхода родственники много о них говорили. Всего их было шесть: «Ладья», «Жена Моряка», «Сенегал», «Страна великанов», «Цветение» и «Человек, который читал». Тематические декорации располагались в парке повсеместно, согласно карте. Ожидаемо, он был разбит на районы, относящиеся к тому или иному фильму, и расположены они были, судя по всему, в хронологическом порядке премьер. У входа гостей встречают декорации и атмосфера фильма «Цветение» – драмы о бедной матери, которая в одиночку растила дочь и торговала цветами в киоске на рыночной площади маленького городка. Далее, «Человек, который читал» – камерный фильм об одиноком человеке без имени, который день за днем приходил в парк почитать книгу на скамье, и о том, как этот человек участвовал в жизнях случайных прохожих. Ну и «Страна великанов» в самом центре парка, презентовавшая гостям все гигантское и эпичное, ведь фильм повествует о – сюрприз! – стране гигантов. Большая часть вложений щедрого мецената явно была израсходована на эту картину. Оставшиеся три были разбросаны по береговой линии противоположной части острова. Буклет называл их «Морская трилогия»: деревня из «Сенегала» у реки, впадающей в море, настоящая ладья в дельте этой реки с целой командой из одноименного произведения, а на отдаленном мысе расположился маяк из «Жены Моряка» – фильма, в котором скомбинированы обычные съемки с архивными кадрами из личного архива режиссера. Что ж, пора лично осмотреть достопримечательности.

Я спрятал буклет за пазуху и направился к будке контроллера. В ней сидел по-модному стриженный улыбчивый мужчина лет тридцати пяти, в бордовом сюртуке и полосатой шляпе. На левом лацкане красовался маленький бейджик с именем Этьен.

– А я вот смотрю вы все не подходите да не подходите, не стесняйтесь, гостям всегда очень рады на острове «Кристалл Гармонии», где мир кино становится реальностью! Визит в наш парк подарит море впечатлений и бурю эмоций, подходите же скорее!

Голос у него был очень заводной, глаз холодными, а улыбка насквозь фальшивая. Поддавшись импульсу, я решил избрать путь покорной скромности. Я приблизился, достал из кармана сложенный вдвое купон и с неловкой улыбкой сунул его в окошко.

– Да-да, сейчас пробью вам скидочку, ииии – готово! С вас девять пятьдесят.

Я отсчитал названную им сумму. От огромного колеса с билетами он оторвал один и любезно протянул мне.

– Скажите, пожалуйста, а как можно встретиться с хозяином парка?

– С хозяином? – билетер задумчиво потер бровь. – Боюсь, он не принимает гостей лично.

– Я полагаю, он пожелает сделать исключение ради меня, я его дальний родственник. Можете, пожалуйста, передать ему каким-то образом, что Стефан Бик, сын его кузена, ищет встречи с ним? Я буду очень признателен!

Я захлопал глазами, принял просящую позу и нацепил самую лебезящую улыбку из своего арсенала. Наверное, на меня было жалко смотреть, но контролер был непреклонен.

– Прошу прощения, сэр, – он сильно выделил обращение голосом. – Я не могу гарантировать вам личного приема, кем бы вы ни были. Однако, эти сведения будут переданы сотрудникам парка и, возможно, с вами свяжутся. А пока – приятного времяпрепровождения в нашем парке гармонии и чудес!

И он опустил шторку, отделяющую внутреннее помещение будки от назойливых зрителей вроде меня. Поняв, что здесь ловить мне больше нечего, я еще разок огляделся. Если дядя не примет меня сегодня, он примет меня завтра, или через неделю, или еще позже – я не намерен уезжать с острова, пока не получу от него то, что мне нужно. Они не смогут заставить меня взойти на корабль без толстой пачки банкнот, добытых одним или другим способом. Кивнув самому себе, я потопал вверх по лестнице.

Глава 3

Деревянные пролеты сменяли друг друга. Один за другим, я преодолевал их, а берег оставался все дальше позади. Признаться, я не разделял восторженного отзыва из газеты, так как первое впечатление от острова было серьезно подпорчено изнурительной физической активностью. Восхождение по лестнице на пару с чемоданом заняло добрые десять минут, а серпантин поворотов вскружил мне голову. Так что когда я перешагнул последнюю ступеньку, мне понадобилось отдышаться.

Лестница кончалась широкой площадкой с аркой, которая аккуратно примыкала к отвесному утесу. Плотнo сбитые доски переходили в дорожку, усыпанную мелкой галькой. Серой ленточкой вилась она к чему-то напоминавшему район старого города. Это поселение не было полноценной деревней, оно смотрелось именно что вырванным фрагментом чего-то большего, цельного. Стараясь не привлекать лишнего внимания, я двинулся перпендикулярно дорожке вдоль утеса; мне стало интересно, декорации ли это. Обойдя этот причудливый кусочек городка, я с удивлением обнаружил, что дома в нем – не просто картонные фасады, а полноценные здания. Коснувшись одного из них, я ощутил под пальцами холодный шершавый камень. Я постучал по нему костяшками и услышал гулкий звук, будто камень был полый внутри. «Обман, правдоподобный, но все же обман», – уверенно заключил я. С этого угла открывался великолепный вид на море, сливающееся с небосводом где-то на линии горизонта. Было бы умно поместить жилые корпуса обслуживающего персонала в этих домиках: и красиво, и практично. А прекрасный вид привлекал бы новых работников. Однако, я не заметил окон на каких-либо сторонах дома кроме фасада.

Рукотворный район занимал всю ширину продолговатого утеса таким образом, что пройти мимо него было невозможно. Дома стояли так тесно друг к другу, что протискиваться между ними со своим чемоданом я бы не решился. Оставалось только вернуться к тропинке и проследовать в единственном возможном направлении, к самому центру этого диковинного квартала. Так я и поступил. Большинство прибывших вместе со мной посетителей прошли вперед и лишь некоторые еще топтались у входа в поселение, разглядывая его с почтительного расстояния и любясь видом, как и я минутами ранее. Дорожка заканчивалась на круглой базарной площади с колодцем посередине. Вокруг колодца выстроились магазинчики разного размера. Каждый домик словно сошел с картинки: покрытая бурой черепицей крыша, один или два этажа, у каждого входа окно с широким подоконником, служившим прилавком. Образуя букву L, прилавок продолжался внутри, уходя вглубь магазинчика. Этот небольшой базар гудел как пчелиный улей. В продовольственных магазинчиках продавали сладости и напитки, в прочих предлагали какие-то игрушки, сумочки и украшения, в сувенирных лавках торговали дребеденью для сентиментальных туристов. Примечательно, что продавцов за прилавками не было, покупателям предлагалось обслуживать себя самостоятельно. У входа в одну из таких лавок разместился небольшой киоск с двумя рядами корзинок с темно-фиолетовыми цветами, всего восемь лукошек. У киоска стояла маленькая девочка, на вид лет семи. На ней был джинсовый комбинезон и розовая кофточка, обуви девочка не носила. Она накручивала на пальчик косичку, печально глядя на проходящих мимо людей. Я остановился возле стойки с цветами, замороженный ее печалью.

– Малышка, почему ты здесь одна? – склонился я к девчужке, не увидев вокруг взрослых.

Девочка пропустила мой вопрос мимо ушей.

– Вот бы кто-нибудь купил у меня цветы, – вздохнула девочка. – Тогда я могла бы принести домой немного еды для мамы, она так старается и так устает...

– Твоя мама больна?

Снова молчание в ответ. Денег у меня почти не осталось, так, на перекус в обед, но когда я смотрел на эту кроху, что-то внутри меня сдавливали тисками жалости.

– Давай я куплю у тебя корзинку, сколько они стоят?

– Она говорит, каждый из нас – лепесток на ветру, мы цветом летом и увядаем осенью. Я не хочу, чтобы осень забрала цветение, но что я могу сделать? – она вскинула руки и обратилась к кому-то невидимому.

Я был в замешательстве. Сделав шаг назад, я стал наблюдать. Возле девочки появилась пара дам средних лет.

– Гляди, Марта, это же та девочка, как там ее? Лотус?

– Ирис! Да, точно, она! Как твои дела, милая?

– Вот бы кто-нибудь купил у меня цветы, – повторила девочка, снова накручивая косичку на палец и глядя в пол.

– Марта, давай купим корзиночку! – страстно выдохнула первая дама и полезла в сумочку.

– О, нет нужды, Нора, Ирис не продает цветы. Она цитирует монолог из того фильма, «Цветение». По сюжету, одна женщина осталась совершенно одна с малолетней дочерью на шее в начале весны. Будучи опытным флористом, она делает красивые букеты и корзинки с цветами, продает их и этого хватает на пару дней. А пары дней хватает, чтобы собрать больше цветов и связать новые букеты и корзинки. Мать старается делать все, чтобы ее дитя не знало голода и забот, и девочка наслаждается детством. Пока мать едва сводит концы с концами, Ирис, названная так в честь любимых цветов матери, гуляет, играет и радуется лету. Но ты же понимаешь, скопить сколько-нибудь приличную сумму таким образом чертовски тяжело. Это скорее походит на прокладывание железной дороги перед движущимся поездом: чуть замешкаешься и тебя раздавит. В таком вот режиме пролетает лето. За матерью начинает ухаживать один мужчина, но у нее нет времени на себя, все силы уходят на работу, а каждую свободную минуту она посвящает дочери. Ирис же продолжает учиться и дружить с ребятами, будто не замечая сгущающихся туч. Долго находиться в таком напряжении женщина не смогла, и с наступлением осени она тяжело заболевает. Она безуспешно пытается продолжать работу, но лишь усугубляет свое состояние, бедняжка окончательно слегла. Ей нужны лекарства, нужна горячая пища, а денег почти не осталось. Мать понимает, что Ирис должна знать правду, она серьезно говорит с девочкой о болезни и возможной смерти, о самостоятельной жизни, и дочь с трудом, но понимает и принимает сложившиеся обстоятельства. И вот, на дворе сентябрь, время, когда поздние ирисы начинают цвести. Приходится расцвести – ну, то есть повзрослеть – и нашей Ирис. Она не сумела отыскать луг, на котором ее мать собирала цветы, но нашла свое местечко с особенными цветами.

– С ирисами, я полагаю?

– Да, верно, с ирисами. Так вот, она набирает столько, сколько способна унести, затем возвращается домой, а после повторяет процесс вновь – и так до поздней ночи. Всю ночь она вяжет букеты и собирает их в корзины под неусыпным руководством матери, а под утро, когда лихорадка уже сморила бедную женщину, Ирис отправляется в город продавать цветы. Так проходят два мучительно медленных дня, но ни одну корзинку у девочки не покупают. В бессильной ярости, Ирис выбрасывает цветы и бежит домой. На последние деньги, она покупает еды для матери, но сама не берет ни крошки. Она голодна, ей страшно и она не понимает, почему мир так несправедлив. Она пытается быть сильной, но она всего лишь маленькая девочка. Именно тогда мать произносит, пожалуй, самый душераздирающий монолог фильма, по сути прощаясь с дочерью. Я не перескажу его полностью, но там есть фраза: «Каждый из нас – лепесток на ветру, мы цветом летом и увядаем осенью. А затем ветер срывает нас и уносит вдаль, давая дорогу новым цветам. Осень заберет цветение, как и каждый год, и,

наверное, в этом году я уйду с ним. Не грусти по мне, девочка моя. Придет новая весна, новая радость в твоей жизни. Ты обязательно будешь жить, обещаю тебе!»

– И вправду, так печально! – вздохнула та, которую назвали Норой.

– Ой, и не говори, я рыдала, актеры играли так натурально! Вот, Ирис понимает, что времени осталось совсем немного. Она закладывает какой-то хлам из дома у ростовщика, в том числе и свои башмачки, и босая идет снова собирать цветы. Навязав букетов, она приходит на площадь и думает, как же быть дальше, как помочь матери и, если не выйдет, как жить самой. Это как раз сцена, которую мы видим здесь.

– Как интересно! А девочка выглядит одновременно печальной, но будто светится!

И девочка правда светилась. При дневном свете это было еле различимое свечение, но после слов этой женщины я присмотрелся повнимательнее. Она словно сияла ровным слабым светом, как если бы матовую лампу включили и подставили под яркие солнечные лучи. Будто свет был у нее под кожей, еле заметный, но все же настоящий свет. Будто и кожа, и волосы, и даже одежда девочки были сделаны из одного материала. Чем дольше я смотрел, тем больше деталей подмечал.

– Чем же все заканчивается? Марта, не том, ты так хорошо помнишь это кино!

– Просто я смотрела его много раз, голубушка, – усмехнулась Марта. – В общем, удача улыбается девочке, она продает значительную часть собранных корзинок, потому что в городе начинается праздник и мужчины покупают цветы для своих дам. Счастливая, она бежит к местному доктору, чтобы отвести его к больной матери. И, о чудо, помощником пожилого доктора оказывается тот самый мужчина средних лет, который проявлял внимание к матери Ирис! Девочка, конечно, этого еще не знает, но мы – зрители – узнаем этого господина. И он тоже пока не знает, что это та самая флористка. Они приходят домой к Ирис, мужчина осматривает мать и прописывает лекарства. Девочка продолжает упорно трудиться, мать начинает идти на поправку, а осень вступает в свои права. Близится момент, когда Ирис уже нечего будет собирать на полянке. Она вновь вызывает доктора, чтобы повторно осмотреть мать, и женщина, будучи на этот раз в сознании, узнает его. Между ними пробегает искра, она начинает плакать и благодарить его за помощь, а он садится на кровать и берет ее руку в свою. Зрители понимают, что это начало чего-то большого. А Ирис выходит на улицу и смотрит на облетающие с деревьев листья. Она пытается поймать пару в воздухе, и мы понимаем, что она все еще хранит внутри детскую непосредственность. Схватив один листок, она говорит что-то вроде: «Эта осень никого не заберет», и на этом фильм заканчивается.

– Немного сумбурно, не находишь?

– Возможно, мне приглянулась эта лента, но признаю, таких как я не так уж и много. Ну полно нам здесь стоять, пойдем же вглубь парка, там еще должно быть много интересного. Пока, Ирис!

Женщины сделали девочке прощальный жест, но она не отреагировала. Она продолжала переминаться с одной босой ножки на другую, крутить между пальчиков косичку и вздыхать о своих цветах. Я глядел на девочку, перебарывая услышанное и увиденное. Мне стало любопытно понять природу этого свечения, исходящего у нее словно изнутри. Повторение фраз, повторение движений – все это наводило меня на мысль, что передо мной не живая актриса, а некий искусно выполненный автоматон.

– Тогда я могла бы принести домой немного еды для мамы, – снова повторила Ирис, глядя вдаль.

Я прошел перед ней, но девочка не выказала ни малейшей реакции. Помахал перед ее лицом ладонью – безрезультатно. В конце концов, я протянул руку, чтобы положить ей на плечо и оцепенел, так как ладонь моя провалилась сквозь воздух. Я почувствовал жар и покалывание на коже, будто я полночи проспал на этой руке и она онемела. Резко одернуть руку не удалось, она словно попала в желе, движения были скованными и вязкими. Меня замутило. Наконец, я

вернул руку и прижал ее к груди. Кисть была чистой, но по телу продолжали бегать мурашки и волоски на руке стояли дыбом, словно я попал в какое-то статическое поле. Взглянув на руку, я увидел, что она тоже немного светится, но свет этот быстро угасает, покидая кожу вместе с жаром. Желая повторить опыт, пальцы мои снова потянулись к девочке. И тут она посмотрела мне прямо в глаза и резко бросила:

– Руки прочь!

Я вздрогнул, будто меня током прошибло, а она как ни в чем не бывало продолжила:

– Она говорит, каждый из нас – лепесток на ветру.

– О, это же Ирис! – воскликнул кто-то слева от меня.

К девочке подошло еще несколько посетителей, только что вышедших из соседнего магазинчика. Я протянул было руку к девочке снова, но что-то меня остановило, хотя в этот раз она даже не подала виду. Могло ли мне почудиться? Тряхнув головой, я решил не выяснять это и попятился назад, разминая пальцы онемевшей руки. Я еще немного понаблюдал, но девочка больше не нарушила порядка своих действий, исправно повторяя сцену из раза в раз. Я чувствовал, что теряю время, здесь мне больше нечего было делать, нужно было двигаться дальше и либо разыскать дядю, либо встретить мою новую взбалмошную знакомую незнакомку. Улыбнувшись этому каламбуру, я двинулся по тропе, оставляя жутковатую Ирис и ее печальную историю позади.

Глава 4

Господи, благослови трепачей и балаболов, именующих себя синефилами. Достаточно лишь держать ушки на макушке, и получишь все необходимые тебе факты, да еще и на блюде с голубой каемочкой. Кажется, все мои попутчики были на острове впервые, но достаточное их количество было знакомо с творчеством дяди. Более того, оказалось, что вторая картина по пути вглубь парка – «Человек, который читал» – основана на небольшом рассказе, который дядя публиковал в газете под псевдонимом. Как постоянный читатель всех трех периодических изданий, распространяемых в нашем городке, я не мог пропустить этот рассказ. Чем больше улавливал мой слух из обрывков пролетавших мимо фраз, тем яснее становилось в голове. Действительно, я читал «Человека, который читал», чтоб его с этой тавтологией. Иронично, что я проглотил творчество своего родственника, даже не признав авторства. С другой стороны, под статьей стоял неприметный псевдоним, а переписки с дядей я никогда не вел, так что и стилия его письма не знал.

Так или иначе, общий синопсис был мне знаком. Жил да был дедуля, у которого «в жизни было все». Что может развлечь такого человека? Дядя считал, что хорошая книга, по крайней мере так он это подавал в начале. Этот безмянный пожилой господин каждый день ходил в парк и сидел на скамье с книгой. Мимо него проходили люди, которые, как и гости «Кристалла Гармонии», громко оповещали окружающих обо всех своих чаяниях и думках. Герой рассказа слушал эти в прямом смысле мимолетные истории и в разной степени принимал в них участие: кого-то окликнет и даст совет, кого-то направит к знакомому адвокату на бесплатный прием, кому-то даст денег, а кому-то предложит работу. Короткий рассказ наполнен обыденными драмами и приторно-сладкими восторгами от их разрешения. Я не помнил всех деталей, но в конце полицейские находили мужчину на скамье мертвым, а книга его оказывалась пустой. Так дядя давал нам понять, что ходил-то старик в парк именно для того, чтобы нести людям пользу. Думаю, неудачникам вроде меня очень хотелось бы верить, что где-то есть такой человек.

С этими мыслями, я продвигался по дорожке. Из городка она выходила на небольшое поле, вела мимо лужка с ирисами и прямо под кроны могучих деревьев, которые образовывали парк. Я невольно отметил, что вдоль дорожки деревья были посажены достаточно редко, но по краям утеса они образовывали плотный заслон. Так же, как и фальшивые дома, деревья преграждали любой путь, кроме, собственно, дорожки. И также, как и фальшивые дома, наверняка были высажены здесь вручную, не смотря на свою монументальность. Откуда деньги на все это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.